

RU

Бессмертие, которое существует

Кулешов В. Е.

Аннотация. Целью исследования является философское осмысление человеческой потребности в бессмертии и вариантов его обретения индивидом. В статье показано, что самосознание, выделившее человека из природы, обрекло его на осознание временности жизни, которая обрела ценность и смысл, а значит, – необходимость бессмертия. Один из вариантов решения проблемы – это религиозная вера, дарующая жизнь «на том свете». Из рациональных решений типичным является обретение социального бессмертия как сохранения в памяти людей свершений, достойных этой памяти. Научная новизна работы заключается в обосновании бессмертия индивида (переживания его мыслей и чувств в новых поколениях). В результате исследования оно представлено как наиболее реальное по сравнению с другими вариантами.

EN

Immortality that exists

V. E. Kuleshov

Abstract. The research aims to provide a philosophical conceptualization of the human need for immortality and the various ways an individual may attain it. The article demonstrates that self-consciousness, which distinguished humans from nature, doomed them to the awareness of life's transience; consequently, life acquired value and meaning, and thus – the necessity of immortality. One solution to this problem is religious faith, which grants life in the “hereafter”. Among rational solutions, the attainment of “social immortality” – preserving the memory of one's deeds in the minds of others – is typical. The scientific novelty of the work lies in substantiating the individual's immortality through the continuation of their thoughts and feelings in future generations. As a result of the study, this form of immortality is presented as the most realistic compared to other options.

Введение

Самосознание человека, отделившее его от животного мира, открыло ему перспективу смерти, которая не может не вносить дисгармонии в осмысление кратковременности жизни. Поэтому как обыденное сознание, так и философия пытались решать эту проблему в увязке со смыслом жизни во все времена. Перманентную актуальность этой вечной темы усиливают сегодня следующие факторы. Во-первых, постперестроечная реформа российского образования, формировавшая «цивилизованного потребителя», целенаправленно дискредитировала нравственные смысложизненные ценности, без реабилитации которых социум утрачивает потенциал жизнеспособности и прогрессивного развития. Во-вторых, назрела необходимость возвращения отечественной философии к вечным человеческим проблемам. В-третьих, специальная военная операция и информационная война, направленная на обыденное сознание, обязывают философа разговаривать сегодня о смысле жизни, долге, смерти и бессмертии не с самим собой и себе подобными, а с теми, кто решает эти проблемы в повседневной жизни и в условиях боя.

Так как проблема бессмертия, как и связанные с ней темы смерти и смысла жизни, является вечной, она всегда присутствовала на поле размышлений как зарубежной, так и отечественной философии. Особое нравственное направление в этих размышлениях задала русская философия конца XIX – начала XX века (В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, Е. М. Трубецкой, Н. О. Лосский, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк и др.). Как в прошлом, так и в настоящее время, различные аспекты темы рассматривались и рассматриваются или через призму религиозных учений, или как варианты обретения социального бессмертия. Научная же новизна работы состоит: а) в раскрытии парадоксальности желания бессмертия смертным существом, так как при его реализации исчезла бы потребность в смысле жизни, без которой человек перестает быть человеком; б) в обосновании реального бессмертия индивида (переживания его мыслей и чувств в новых поколениях).

При проведении исследования решались следующие задачи: 1) ретроспективное рассмотрение проблемы смерти и бессмертия в философии и обыденном мышлении; 2) обоснование нравственного смысла жизни как условия бессмертия.

При решении задач исследования использовались методы: диалектический, герменевтический, сравнительный, психологические и др. Теоретической базой исследования явились произведения мыслителей, касающихся данной темы.

Практическая значимость работы состоит в установлении максимально возможной ментальной связи между вопрошанием индивида и философским дискурсом по проблеме смерти и бессмертия.

Обсуждение и результаты

Бессмертие как человеческая проблема

Исследование потребности в творческой деятельности как духовном атрибуте homo sapiens закономерно заставляет вести разговор об особенностях человеческого сознания, детерминирующих эту самую потребность. И здесь мы вынуждены возвращаться к исходному рубежу, на котором в дополнение к сознанию и инстинктам, обеспечивающим биологическое существование животного, в психике нашего далекого предка появилась особенность, чаще всего в современных публикациях называемая самосознанием. Данный термин по праву занял свое предметное поле в философской антропологии, благодаря его лингвистической релевантности реальным процессам в психике человека. Самосознание трактуется как направленность сознания на самого себя и на своего носителя. Человек в отличие от «братьев меньших» увидел и осознал себя. В этом контексте мы можем не отказывать животным в наличии сознания, но его у них не больше, чем необходимо для поддержания жизни как биологического существования. Они являются частью природы – вписаны, включены в нее, не подозревая об этом. Самосознание же оказывается своеобразными «излишками» сознания, которые направляются на самый интересный объект – на самого человека. В результате он увидел себя отдельным от природы. Этот взгляд, естественно, породил множество вопросов, проблем и открытий, которых нет у животного: «Кто я? Почему я умру? В чем смысл жизни?..» И весь окружающий мир предстал как неведомый, наполненный тайнами, которые требовали объяснений. Демонстрируя дискомфортность человеческого существования, М. де Унамуно писал: «Человек, именно потому, что он человек, то есть существо, обладающее сознанием в отличие от любого животного, есть большое животное. Сознание – это болезнь» (Унамуно, 1990, с. 137). Человек расстался с раем неведения – обречен задавать вопросы и сам искать ответы на них. Из этих полученных ответов в дополнение к реальной окружающей действительности он сформировал своеобразное отражение ее в своем сознании – мир науки, сложность которого уходит в бесконечность.

Не менее сложным и, можно добавить, более проблемным для познания и понимания предстал сам человек. Проблемным, – потому что сознание вынуждено познавать самого себя, а, согласно логике, решение этой задачи доступно субъекту, который сложнее объекта познания. А им, согласно опять-таки той же логике, может быть только Бог. Но человек, представляя ограниченность своих возможностей, обречен пытаться решать эту задачу, так как он знает, что умрет, и не может индифферентно относиться к сей печальной участи. «Это осознание своей неизбежной и неотвратимой конечности считается привилегией и одновременно проклятием человеческого рода» (Гилязова, Замощанская, 2020, с. 162). Трагическое ощущение такой перспективы заставляет задумываться о смысле доставшейся жизни и искать этот смысл.

Таким образом это новое неведомое животному знание явилось причиной новых, человеческих, эмоций, которые, особенно создающие дискомфорт, детерминируют осмысление проблемы и деятельность по ее решению. Человеческие чувства, порожденные знанием, не могут существовать автономно от него. Они связаны, выражаясь математическим языком, пропорциональной зависимостью: чем актуальнее достигаемое знание, тем острее и интенсивнее переживания, шире их эмоциональный диапазон. По этому поводу Блез Паскаль в свое время писал: «Чем больше людям отпущено ума, тем сильнее их страсти. Ведь страсти – это чувства и мысли, всецело принадлежащие уму, хотя их внешней причиной служит тело; значит, в них нет ничего, что выходило бы за пределы ума, и, следовательно, они ему соразмерны... Величие души проявляется во всем» (Паскаль, 1990, с. 230).

Сознание мыслящего индивида не может согласиться со смертью в варианте своего полного исчезновения, с превращением в ничто. Поэтому размышления о смысле жизни, поиски его являются одновременно не чем иным, как попытками удовлетворения потребности в бессмертии. Степень же осознания актуальности проблемы и интенсивности ее переживания тем или иным индивидом, естественно, связана с уровнем развития мышления. Как в древности, так и в настоящее время диапазон различия этих уровней был и остается весьма существенным. Поэтому индивидуальные надежды, претензии, решения, которые диктует осознание временности биологического существования (жизни тела), будут отличаться, так как формируются, определяются множеством разных факторов, в том числе содержанием обучения и воспитания. В результате человек выбирает жизненную позицию, которая оправдывает его земное существование, придает ему смысл и ценность. А так как оно ценно, сознание не может смириться с его утратой, исчезновением. Жизнь должна быть вечной, ибо этого заслуживает. Стремление человеческого сознания жить, продолжаться, естественно, выглядит предпочтительнее смерти и воспринимается как аксиома, не требующая обоснования, доказательства.

Но если задать вопрос по поводу истоков этой аксиоматичности, то, обращаясь к ретроспективе формирования осознанного стремления homo sapiens к бессмертию, мы придем к природной (божественной)

мудрости земного бытия, в котором (все еще) предусмотрена жизнь, ее продление и развитие. Это уже онтологический факт, проявляющийся на всех уровнях жизненного процесса, начиная с раздражимости и биологической памяти белковых молекул и заканчивая неутолимой интеллектуальной жадью развитого человеческого сознания жить, творить, продолжаться. Во все биологические существа природа заложила инстинкт самосохранения. Наши «братья меньшие» не знают, что умрут, не страдают из-за краткости времени пребывания на этом свете, но благодаря этому инстинкту борются за жизнь и избегают опасностей. Аналогично природа «побеспокоилась» о размножении каждого вида. Их многообразие на земле соответствует и сопутствует многообразию вариантов решения этой поистине жизненной задачи. Здесь мы не имеем целью разбираться, Богом ли задана такая программа вселенского и земного бытия (теизм) или само бытие является воплощением Бога (пантеизм), но доступные человеческому сознанию атрибуты существования нашей планеты, детерминировавшие на ней жизнь и последующее ее развитие до осмысления самой себя, трудно представить как результат столкновения абсолютно случайных факторов.

Высказывания ученых по этому поводу различны и иногда экзотичны. Б. Картер: «Я мыслю, следовательно, Вселенная такова, какова она есть». С. Хокинг: «Вселенная такова, какой мы ее наблюдаем, по той причине, что существует человек». Ф. Хойа: «Здоровая интерпретация фактов дает возможность предположить, что в физике, а также в химии и биологии экспериментировал сверхинтеллект» (Цит. по: Лебедев, 2005, с. 388). При поиске ответов на вечные человеческие вопросы мы обречены полагаться на возможности нашего сознания, на предлагаемую им логику, так как другого путеводителя не существует. Если и является сверхинтеллект творцом всего сущего, то нам как творению не дано в полной мере познать его замыслы и цели. Любое сложное (например, наше сознание) не может познать то, что сложнее его. Но вместе с тем наша способность задавать вышеназванные вопросы и искать ответы на них не может в таком случае не быть одним из запланированных и уже достигнутых результатов (этапов) развития жизни на земле. Реализованный же творческий потенциал и логика человеческого мышления точно так же не могут не иметь предназначения сохранения и продолжения жизни, той самой, которая является причиной появления и существования нашего сознания.

Мы приходим к выводу, что потребность в бессмертии изначально заложена в самой природе на планете Земля, является причиной появления жизни и затем становится неотъемлемым ее атрибутом. Жизнь и бессмертие – две стороны одной медали. Убери одну – исчезнет другая, то есть смысл, ценность, предназначение жизни в ее широком, всеобъемлющем значении заключается в бессмертии. На это «работают», как отмечалось выше, все факторы, обеспечивающие размножение, выживание и самосохранение живых существ. Животным достаточно инстинкта самосохранения, чтобы обеспечить продолжение жизни видов, не беспокоясь об этом и о своем индивидуальном бессмертии. «Не знающий, что обворован, не обворован». В таком контексте животное бессмертно.

Человек же, благодаря самосознанию, осознает уникальность, ценность доставшейся ему жизни и одновременно не сомневается, что умрет. И насколько весомой, значимой воспринимается эта ценность, настолько трагичной, абсурдной представляется перспектива небытия, исчезновения. Выход из этого рационального тупика обыденному сознанию во все времена обеспечивала религия. Известный американский философ У. Джеймс в послесловии к своему исследованию «Многообразие религиозного опыта» резюмирует, что «религия означает прежде всего бессмертие – и, пожалуй, ничего больше. Бог есть создатель бессмертия» (1993, с. 408). Вера в Бога, исполнение предписанных жизненных заповедей даруют человеку надежду на вечную жизнь «на том свете». Но искренняя, ортодоксальная вера – как любовь: она или есть, или ее нет. Проведенное социологическое исследование показало: «Православных в лоне РПЦ среди взрослых россиян оказалось 41%. Лишь 13% вообще не верят в Бога, но самое интересное – это 25%, которые верят, но конкретную религию не исповедуют» (Терентьев, 2021). Это люди, которые не входят в какие-либо секты, но много читают и через собственные размышления приходят к ответам на мировоззренческие вопросы, в том числе к вере в Бога, которая позволяет сознанию рационально объяснить и упорядочить мироздание и процессы в нем. Карл Ясперс, исследовавший в свое время данную проблему, назвал эту веру философской: «Признаком философской веры, веры мыслящего человека, служит всегда то, что она существует лишь в союзе со знанием. Она хочет знать то, что доступно знанию, и понять самое себя» (1991, с. 423). Философствующее сознание не может не видеть границ своих познавательных возможностей. Кстати, теологи при обосновании веры всегда напоминают об этом. Но знание границ не является отказом от мышления, так как другого инструмента для поиска истины у нас не существует. Видение этих границ и обоснование веры за их пределами это удел и право человеческого сознания. И религиозные учения не рискуют отказывать в легитимности открываемых мышлением истин. Так, например, в библейской притче Христа о посеянном зерне он объяснял своим ученикам, что зерном является слово Бога, а почвой – сознание человека: «А посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, но забота века сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно» (Мк. 4, 19). Получается, что понимать Бога дано не каждому – нужен соответствующий уровень мышления.

Итак, человеческое сознание является виновником понимания временности жизни индивида, переживаний по этому поводу и неприятия своей смертности. Все философские размышления на этом предметном поле так или иначе выходят на тему смысла жизни, такого ее содержания и ценности, которые если и не снимают проблему, то ищут и находят выходы из вышеозначенной неприемлемой ситуации. При этом претендовать на объективность искомого смысла можно лишь при наличии потребности и способности человека осмысливать жизнь и жить так, чтобы этот смысл реализовывался на практике. Но духовная реальность прошлого и настоящего во всех социумах свидетельствует, что такая способность осмысления возможна лишь при соответствующем уровне начитанности, образования, нравственной культуры индивида. К сожалению, доля

таких людей даже в так называемых постиндустриальных обществах невелика. И похоже, что рост уровня «постиндустриальности» не увеличивает эту долю. Как и во все времена, субъекты политики в современных обществах заинтересованы в сохранении своей власти и в управляемости социума. В ряде случаев философское творческое мышление управляемых это не то, что необходимо для достижения этой цели. В таких политических системах доминирующая идеология внедряет в сознание людей якобы смысложизненные ценности, которые объективно не только не придают жизни смысл, а отнимают его иногда вместе с возможностью жить. Такая участь постигла в свое время население фашистской Германии. Подобным образом в течение нескольких лет в общественное сознание братской Украины небезуспешно была внедрена идеология русофобии. Эти примеры свидетельствуют о великой экзистенциальной трагедии, которой становились, становятся и еще будут становиться индивидуальные человеческие судьбы на планете Земля.

К счастью, эта трагедия не является тотальной. Несмотря на то, что тема нравственного смысла жизни в прямой постановке отсутствует в официальных системах образования, самосознание определенной части населения не может не задавать вопроса о своей смертности и не искать «успокоительных» ответов. В этом случае равнодушными собеседниками по проблеме становятся искусство (особенно художественная литература) и, конечно, философия, так как ее интерес продиктован человеческой жаждой истины – другие детерминанты здесь невозможны. В отличие от идеологии и религии, например. Так что в дополнение к природной инстинктивной «озабоченности» о бессмертии жизни на земле homo sapiens подключил интеллектуальную и осознанную практическую деятельность для собственного спасения. Во все века эти самые человеческие и человеческие проблемы пыталась осмысливать и решать философия. И только философия. Еще в начале нашей эры ее виднейший представитель Сенека писал: «Лишь одно делает душу совершенной: незыблемое знание добра и зла (которое доступно только философии) – ведь никакая другая наука добра и зла не исследует» (1992, с. 75).

В связи с тем, что эта тема существовала в философии всегда, у современного читателя есть возможность увидеть ретроспективу размышлений и воспользоваться их плодами. Плоды же эти не предлагают готовых смысложизненных формул (в отличие, опять-таки, от идеологии и религии), а отправляют человека к собственному философствующему сознанию, то есть показывают путь, направление движения к смыслу.

Нравственный смысл жизни как условие бессмертия

Речь идет о движении к такому осмыслению, которое бы исключало вероятность стратегической ошибки. Удачно эту мысль выразил отечественный мыслитель Н. А. Бердяев: «Пусть я не знаю смысла жизни, но искание смысла уже дает смысл жизни... Я решил посвятить свою жизнь исканию истины и смысла, служению правде. Это объясняется тем, что такого рода искание истины есть в известном смысле и нахождение истины, такого рода обращение к смыслу жизни и есть проникновение смыслом» (1990, с. 77). А истина и правда это не клад, который можно найти, – это ценности смысла, которые обретаются постоянно и постепенно идущим к ним через максимальную реализацию своего интеллектуального и нравственного потенциала. При этом интеллектуальный и нравственный потенциалы рассматриваются в одной «связке» как единое целое, ибо желание творить добро приносит соответствующий результат при условии компетентного творчества в любой конкретной деятельности. Ее гуманный и созидательный характер и придают жизни смысл. В обосновании ценности такой жизненной позиции для самого индивида мнения философов не расходятся. Бенедикт Спиноза в свое время справедливо отмечал, что безнравственные черты человека «составляют виды сумасшествия, хотя и не причисляются к болезням» (1999, с. 527). А жаждущих обогащения он относил к «черни, так как они едва ли могут вообразить себе какой-либо вид удовольствия без сопровождения идеи о деньгах как причины его» (Спиноза, 1999, с. 557). Но как в прошлом, так и сегодня философия вынуждена (не всегда результативно) спасать эту чернь от бессмысленности существования. Великий мыслитель XX века Эрих Фромм, прогнозируя будущего «нового человека», наделяет его следующими чертами: «Готовность отказаться от всех форм обладания ради подлинного бытия,.. отдавать себе отчет в том, что высшей целью человеческой жизни является полное развертывание своей личности» (2010, с. 258-259). Речь идет о выполнении индивидом самого себя. Эту же мысль конкретизирует Г. Селье (1982) в популярной работе «Стресс без дистресса». Для ощущения ценности и значимости жизни он предлагает «раскрыть себя наиболее полно, проявить свою “искру божию” и добиться чувства уверенности и надежности... Стремись к самой высшей из доступных тебе целей» (Селье, 1982, с. 89-90). А так как рациональная и эмоциональная сферы сознания взаимосвязаны, достигнутые победы на интеллектуальном поприще детерминируют радостное ощущение бытия. И чем труднее был путь достижения рубежа, тем интенсивнее и полнее чувство удовлетворенности полученным результатом. Даже обыденное сознание, не развившееся до философствования по поводу смысла жизни, в большинстве случаев не позволяет своему носителю удовлетвориться ролью лишь биологического существа без претензии на значимость среди себе подобных. Он не может поставить своему существованию знак «минус» и продолжать радоваться жизни.

Это проблема *человеческая*. И если ее вообще не существует в сознании конкретного индивида, то мы не можем относить его к виду homo sapiens, и забавное определение Платона «Человек есть животное о двух ногах, лишненное перьев» (Цит. по: Диоген Лаэртский, 1979, с. 246) вполне серьезно будет соответствовать его сущности. И только осознание этим «животным о двух ногах» своей смертности, временности пребывания на земле превращает его в человека. Человечества с людьми, которые не умирают, не может быть не только из-за ограниченности ресурсов планеты для поддержания их жизнедеятельности, но, прежде всего, из-за утраты ими при условии биологического бессмертия духовной человеческой сущности. Подобному существу нет

необходимости задумываться о ценности жизни и предпринимать меры для ее сохранения и продолжения. Оно станет животным, которое, как и все наши «братья меньшие», будет довольствоваться счастьем неведения. В подобном состоянии находились Адам и Ева, пока не вкусили плода с дерева познания.

Парадокс, даже абсурд, существования индивидуального сознания заключается в том, что бессмертное существо перестало бы быть человеком. Это – с одной стороны. С другой, человек ценит выпавшую на его долю невечную жизнь на земле, а при наличии смысла она объективно ценна и, следовательно, достойна бессмертия. Поэтому история человечества, а вместе с ней и философия являют нам свидетельства попыток человеческого сознания приобщить кратковременную индивидуальную жизнь к бессмертию. Кроме религиозного варианта решения проблемы (продолжение жизни «на том свете»), типичным является обоснование социального бессмертия. Человек стремится так прожить, чтобы оставить добрую память о себе. В этом случае «труд и образование, особенно творческий труд, выступают предельными основаниями социокультурной памяти» (Минаков, Пушкарева, 2025, с. 561). Пушкин, когда писал «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», имел в виду именно бессмертие в творениях: «Душа в заветной лире мой прах переживет...» (1990, с. 17). И советская идеология, предлагая человеку посвятить свою жизнь созиданию и защите самого справедливого общества, обещала награду, имеющую ценность бессмертия: «Родина тебя не забудет!» Именно таким людям ставились памятники, о них писались книги, снимались фильмы. Их биографии становились примерами для подражания новым поколениям, вступающим в жизнь. Религия за праведную жизнь обещает бессмертие в раю – советская же реальность предлагала и обеспечивала бессмертие достойным делам и поступкам в исторической памяти страны.

Необходимо отметить, что такое стремление у индивида, задающего вопрос о смысле жизни, имеет определенную независимость, автономность от доминирующей идеологии и общественного мнения. Об этом свидетельствуют биографии прославивших себя представителей разных времен и народов. При этом история не остается индифферентной к нравственной оценке человека и его достижений, то есть прославляет как достойных памяти и бессмертия лишь благие дела. Историки могут на каком-то этапе исказить события прошлого в интересах политической конъюнктуры, но не могут выступить апологетами зла, регресса, смерти, ибо такая позиция являлась бы самоубийством истории. И человечества. Кстати, и безнравственный бог перестал бы быть Богом.

Как видим, природный закон, направленный на сохранение, продолжение жизни на земле, с появлением *homo sapiens* утверждает себя в рациональной и эмоциональной сферах человеческого сознания. Индивиды и социумы осознанно стремятся к выживанию и борются за него. Целью и итогом борьбы должна быть жизнь. Служение этому конечному результату определяет человеческую нравственность. Отечественный мыслитель П. А. Кропоткин в своей работе «Этика» вслед за Ч. Дарвином акцентирует внимание, что «в великой борьбе за существование, ведущейся каждым животным видом против враждебных ему климатических условий, внешней обстановки жизни и естественных врагов, больших и малых, те виды имеют наибольшие шансы выжить, которые последовательнее держатся взаимной поддержки, тогда как те виды, которые этого не делают, вымирают. И то же самое мы видим в истории человечества» (1991, с. 54). Стремление индивида к бессмертию, связанное с временностью его биологического существования, детерминирует выбор им нравственной жизненной позиции, которая объективно является ценной не только для него, но и для истории, для продолжения жизни человечества. Без этой взаимной детерминации «двуное существо, лишенное перьев», никогда не стало бы человеком.

Социальное бессмертие подразумевает славу, сохранение дел и поступков героя в различных носителях информации, что и происходит в человеческой истории уже много веков. И только потому, что это происходит, представителю каждого нового вступающего в жизнь поколения, «решающему – сделать бы жизнь с кого», предоставляется возможность выбора, критерий истинности и ценности которого апробирован результатами судебных предшественников.

Возможность реализовать свои человеческие способности в каждом индивиде заложена как потенциальная. В действительность ее превращает система обучения и воспитания в самом широком ее значении. Благодаря ей взрослеющий человек на каждом жизненном этапе, познавая себя и окружающий мир, постоянно делает открытия. Каждый впервые испытывает радости и горечи в детстве, в юности, при первой влюбленности; потом решает множество задач, именуемых жизненной судьбой. И только потому, что все события происходят впервые и уникальны, они рационально и эмоционально воспринимаются сознанием как ценные. Именно такая жизнь от рождения до смерти, единственная и неповторимая, имеет смысл. Ее повтор, «хождение по кругу» бессмысленны. И бессмертия достойна не вечная, а выполненная, реализованная в максимально возможной степени конечная индивидуальная жизнь. Мудрость природы, которую мы констатировали выше, не всегда очевидна для обыденного сознания, но именно достойная бессмертия жизнь *реально уже является и биологически бессмертной*. Этапы ее сюжета повторяются каждым индивидом (они предопределены генетикой взросления человека), их содержание хотя и являет собой уникальные картины размышлений, эмоций, поступков, но любое их сочетание складывается из нашего общего, единого для всех тезауруса накоплений духовной культуры. Иначе люди не понимали бы друг друга, не радовались бы и не страдали вместе с лирическими героями художественных произведений.

Индивид, живший в прошлом поколении, жаждущий бессмертия атрибутов доставшейся ему жизни, имеет их в живущем сегодня; и в будущих поколениях он так же испытает, прочувствует все доступное мыслям и чувствам, пусть даже, как говорил Ницше, «слишком человеческое» (1990, с. 231-238), но все равно это будет лишь то, что присуще нам, собратьям по разуму. Он пребудет бессмертным, пока не исчезнет на земле человечество. Обыденное сознание смертного индивида, жаждущее бессмертия, создает абсурдную, парадоксальную ситуацию, не подозревая об этом. Он жаждет вечно продолжать жить лишь потому, что смертен, –

и жизнь приобретает высшую ценность, которая стала таковой по причине осмысления ее смертным человеком. Бессмертное существо, если его представить, не может быть *homo sapiens*. Освобожденное от необходимости познавать проблемы смысла жизни, смерти и бессмертия, оно освободится и от человеческого мышления. Но человек, жаждущий бессмертия, не может одновременно жаждать самоубийства.

Если индивидуальная жизнь состоялась, имела смысл, нет повода испытывать ужас перед ее завершением. Логически у нас больше оснований говорить об ужасе миллиардов лет небытия до появления человека во Вселенной. Она была мертва, представляла собой ничто для разума по причине отсутствия самого разума, и лишь появление *homo sapiens* превратило ее в мыслящую и чувствующую. Ж.-П. Сартр, размышлявший на эту тему с неравнодушием, касающимся собственной судьбы, писал: «Пусть люди забудут меня на следующий день после похорон, это меня не волнует. Я принадлежу им, пока они живы, ... но, если человечество погибнет, оно действительно убьет своих мертвецов» (1999, с. 442). В конечном итоге существование человека является неотъемлемым условием бессмертия индивида. Артикулирование этой взаимосвязи позволяет выйти на адекватную нравственную оценку дел и поступков человека с позиции осуществления им добра и зла: добро – все то, что способствует сохранению и продолжению жизни; зло – все, что способствует смерти. Через призму этой оценки определяется справедливость в отношениях любого масштаба как в индивидуальных, бытовых, так и в войнах между государствами.

Любые мысли и чувства, принадлежащие только одному человеку, умирают вместе с ним. Трагизм подобной автономности индивидуальной судьбы был бы соизмерим со смертью последнего человека на планете Земля. Поэтому естественно стремление писателей, музыкантов, философов распространять свои произведения в максимально широкой аудитории. В этом проявляется стремление к жизни. Аналогично стремлением к жизни является жажда освоения достижений культуры человеком. И если он успешно решает эту задачу, не столь важно, что не его фамилия запечатлена на книжных обложках. В бессмертие уходят мысли и чувства, а имя автора остается при них условным знаком, «табличкой», не играющей никакой роли в их будущем распространении. «Пусть другой гениально играет на флейте, но еще гениальнее слушали вы» (Дементьев, 2019, с. 183). Этими строками поэт Андрей Дементьев уравнивал в праве на бессмертие исполнителя и слушателя. Но «гениально слушать» можно только то, что является понятным, нужным, близким, родным; то есть то, что работает на жизнь, продолжает ее. Философ, понятный только самому себе и ему подобным, рождает мертвую философию. В свое время А. Шопенгауэр (1992, с. 110) недипломатично критиковал Гегеля за его словесный камуфляж, скрывающий банальные мысли. Здесь уместно привести шутку Гейне, который писал: «Я затрагиваю здесь вообще комическую сторону наших философов. Они не перестают жаловаться, что их не понимают. Лёжа на смертном одре, Гегель сказал: “Только один меня понял”, но тотчас вслед за тем раздраженно прибавил: “Да и тот тоже меня не понимал”» (Цит. по: Перерва, 1988, с. 15). Невольно хочется прибавить к гейневской шутке: «И этим одним был Гегель».

К сожалению, в настоящее время проблема понимания, а значит, нужности для жизни всего, что пишется и говорится, не только не снижает своей актуальности, но выглядит трудно разрешимой по причине психологической войны и того информационного цунами, в котором перемешаны правда и ложь, истина и заблуждение. Перспектива спасения видится в философии, все века определявшей нравственный смысл жизни человека. На необходимость ее разговора с людьми обращал внимание французский философ и писатель Альбер Камю: «Для того чтобы говорить со всеми и обо всех, нужно говорить... о той реальности, которая знакома каждому из нас... Мы похожи друг на друга во всем, что вместе видим, во всем, от чего вместе страдаем» (1990, с. 367). Видеть реальность в полной мере может только Бог. Человек же всю жизнь находится в становлении, решая вечные проблемы смысла жизни, долга, любви, бессмертия. Поэтому и через две тысячи лет приведенное выше мнение Сенеки о незаменимой роли философии на этом познавательном поприще остается актуальным. И ее голос должен звучать не только в журнальных публикациях, но и, прежде всего, в государственной системе обучения и воспитания, решающей задачу обеспечения жизнеспособности страны, а значит, и бессмертия человека.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Ретроспективный взгляд на существование биологической жизни на земле свидетельствует о неизменной пока тенденции ее сохранения и продолжения в существующих видах живых существ благодаря инстинктам, обеспечивающим размножение и адаптацию к природным условиям. Животное не знает, что умрет, но инстинкт самосохранения заставляет его избегать опасностей.

2. Человеческое самосознание (сознание, направленное на самого себя), выделившее своего носителя из животных, обрекло его на осознание своей смертности и на попытки, в связи с этим, обрести такой смысл жизни, который бы давал шанс ее посмертного продления или рационального оправдания временного пребывания на земле.

3. Бессмертия жаждет человек как мыслящее существо, знающее, что умрет. Парадокс заключается в том, что обыденное, нефилософствующее мышление не подозревает, что, желая вечной жизни, оно не видит перспективу самоубийства. Бессмертный, он перестал бы быть человеком, существование мышления которого связано с необходимостью решать проблемы, детерминированные его смертностью.

4. Реальное же бессмертие индивидуальной конечной жизни существует в продолжении ее в новых поколениях, так как достойные бессмертия мысли и чувства будут повторяться, но в каждой новой жизни они будут испытываться впервые. В этом их ценность и смысл.

Материалы исследования | Research materials

1. Лебедев С. А. Введение в историю и философию науки: учебное пособие. М.: Академический проект, 2005.

Источники | References

2. Бердяев Н. А. Самопознание. М.: Международные отношения, 1990.
3. Гилязова О. С., Замошанская А. Н. Концепция смерти в философии В. Янкелевича: смерть по эту сторону смерти // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 1. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.2.24>
4. Дементьев А. Д. Жизнь – одна. Любовь – одна. М.: ЭКСМО, 2019.
5. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М.: Наука, 1993.
6. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979.
7. Камю А. Шведские речи: речь от 10 декабря 1957 года // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / пер. с фр. М.: Политиздат, 1990.
8. Кропоткин П. Л. Этика: избранные труды. М.: Политиздат, 1991.
9. Минаков И. П., Пушкарева М. А. Предельные основания социокультурной памяти // Евразийский юридический журнал. 2025. № 6.
10. Мк. 4, 19 – Евангелие от Марка. Глава 4, стих 19.
11. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1.
12. Паскаль Б. Рассуждения о любовной страсти // Философия любви: в 2 ч. / сост. А. А. Ивин, предисл. Д. П. Горского. М.: Политиздат, 1990. Ч. 2.
13. Перерва В. В. Этические взгляды Гегеля. М.: Знание, 1988.
14. Пушкин А. С. Звезда пленительного счастья: стихотворения, поэмы, роман в стихах. М.: Воениздат, 1990.
15. Сартр Ж.-П. Что такое литература? Слова. Мн.: Попурри, 1999.
16. Селье Г. Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1982.
17. Сенека. Нравственные письма к Луцилию // Сенека, Ф. Честерфилд, А. Моруа. Если хочешь быть свободным: книга о воспитании: сборник. М.: Политиздат, 1992.
18. Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке // Спиноза Б. Избранное. Мн.: Попурри, 1999.
19. Терентьев Д. Божественное расследование. Каким видит Христа современная библеистика // Аргументы недели. 2021. 7 апреля.
20. Унамуно М. О трагическом чувстве жизни у людей и народов // Человек. 1990. № 6.
21. Фромм Э. Иметь или быть. М.: АСТ, 2010.
22. Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность / общ. ред., сост. и вступ. ст. А. А. Гусейнова, А. П. Скрипника. М.: Республика, 1992.
23. Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории: сборник. М.: Республика, 1991.

Информация об авторах | Author information

Кулешов Валерий Ермолаевич¹, д. филос. н., проф.

¹ Тихоокеанское высшее военно-морское училище имени С. О. Макарова, г. Владивосток

Valerii Ermolaevich Kuleshov¹, Dr

¹ Pacific Higher Naval School named after S. O. Makarov, Vladivostok

¹ valkulesh@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.02.2026; опубликовано online (published online): 19.03.2026.

Ключевые слова (keywords): потребность в бессмертии; обретение бессмертия; смысл жизни; религиозная вера; социальное бессмертие; need for immortality; attainment of immortality; meaning of life; religious faith; social immortality.